Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 66–75.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):66-75.

Научная статья

УДК 81.342

ББК 81.521.311

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-66-75

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «ПРИЧАСТИЕ» НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Мехраби Кесарь

Университет Альзахра, Тегеран, Иран, qmehrabi@alzahra.ac.ir, 0000-0001-9150-0091

Аннотация. Преподавание русского языка в Иране, пройдя длительный период активного развития, продолжает обретать новые грани. При этом роль грамматики и эквивалентов, используемых для передачи терминов на занятиях по РКИ с учётом родного языка учащихся, приобретает большую значимость по сравнению с иными прагматическими аспектами. В статье рассматривается одна из важнейших частей речи русского языка — причастие, точный грамматический эквивалент которого в персидском языке представлен лишь в отдельных случаях. Исследуется вопрос о том, какое влияние на персидский перевод понятия «причастие» оказывает на прагматическом уровне его двойственная природа: является ли причастие прилагательным, включающим признаки глагола, или глаголом, приобретшим признаки прилагательного. При этом известно, что и среди русских лингвистов отсутствует единое мнение о статусе причастия: одни сближают его с прилагательным, другие — с глаголом, а некоторые рассматривают его как самостоятельную часть речи. Метод, принятый в данной статье, — детальное изучение истории вопроса о статусе причастия в русской лингвистической традиции. С этой целью рассматриваются примеры из русской классики, напрямую переведённые на фарси; на основе анализа представленных переводов формулируются выводы, которые в конечном итоге могут быть использованы для обеспечения более качественного перевода. Результаты исследования представляются в первую очередь в интересах иранских учащихся, а также преподавателей русского языка и литературы, работающих в персоязычной среде.

Ключевые слова: эквивалентность, причастие, обучение РКИ, персидский язык, компаративистика

Для цитирования: Мехраби К. Прагматический подход при переводе русского грамматического термина «причастие» на персидский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 66–75. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-66-75.

Original article

A PRAGMATIC APPROACH TO TRANSLATING THE RUSSIAN GRAMMATICAL TERM “PARTICIPLE” INTO PERSIAN

Mehrabi Qaysar

Alzahra University, Tehran, Iran, qmehrabi@alzahra.ac.ir, 0000-0001-9150-0091

Abstract. The teaching of Russian in Iran, having passed through a long period of active development, continues to acquire new dimensions. At the same time, the role of grammar and of the equivalents used to convey terminology in Russian as a foreign language (RFL) classes, with due account for the learners’ native language, is gaining greater significance compared with other pragmatic aspects. The article examines one of the most important parts of speech in Russian — the participle, whose exact grammatical equivalent in Persian is represented only in isolated cases. The question is investigated of what influence the dual nature of the participle — whether it is an adjective incorporating verbal features or a verb that has acquired adjectival features — exerts at the pragmatic level on the Persian translation of the concept of “participle.” It is likewise known that even among Russian linguists there is no unanimous view on the status of the participle: some align it with the adjective, others with the verb, and some regard it as an independent part of speech. The method adopted in this article is a detailed study of the history of

© Мехраби К., 2026

the question of the participle's status in the Russian linguistic tradition. To this end, examples from Russian classics translated directly into Persian are examined; on the basis of an analysis of the translations presented, conclusions are formulated that may ultimately be used to ensure higher-quality translation. The results of the study are presented primarily in the interests of Iranian learners, as well as teachers of Russian language and literature working in a Persian-speaking environment.

Keywords: Equivalence, participle, teaching Russian as a foreign language, Persian language, comparative studies

For citation: Mehrabi Q. A Pragmatic Approach to Translating the Russian Grammatical Term "Participle" into Persian. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):66-75. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-66-75.

Введение

Уникальность системы причастных форм, сложившейся в русском языке, давно является предметом пристального изучения ученых. Совместимость грамматических терминов в процессе обучения иностранному языку имеет большое значение, особенно когда обучение осуществляется на языке обучающихся. Это становится вдвойне важным, когда грамматическая категория в целевом языке не имеет значения в исходном языке или когда между ними существуют существенные различия. Методы, используемые для обеспечения эквивалентности, в основном основаны на переводе, и если перевод окажется неточным, это создает множество проблем как для преподавателя, так и для обучающихся.

Персидский эквивалент «صفت فعلی» (дословно: глагольное прилагательное) используется вне своего русского термина лишь в некоторых ограниченных случаях и для замены термина «صفت مفعولی» (дословно: объектное прилагательное). Причина того заключается в том, что, учитывая возможность персидского языка образовать صفت مفعولی от непереходных глаголов, приписывать характеристику «объект» всем его случаям неверно, и по этой причине некоторые исследователи предлагают «использовать общий термин صفت فعلی вместо объектного прилагательного» [1, С. 54]. Несмотря на все эти особенности, термин «صفت فعلی» используется для обозначения понятия причастия в учебниках русского языка для иранских студентов, по крайней мере, с тех пор, как помнит автор. Размышляя над атрибутивным составом причастия, мы видим, что термин صفت فعلی выражает ситуацию, когда слово с частеречной точки зрения классифицируется как «прилагательное», в то время как обладает характеристиками «глагола», т. е. «глагол» является для него определением. В данной статье, опираясь на мнения выдающихся российских лингвистов и приводя примеры по теме, мы покажем, что эту грамматическую категорию на прагматической основе (в терминолого-методическом, а не собственно переводоведческом смысле) при переводе на фарси нужно рассматривать по-другому. Увидим, что наш предлагаемый эквивалент, вероятно, способен решить часть проблем у персоговорящих студентов при чтении учебных материалов, а также при переводе русских текстов на фарси. На основе результатов анализа языкового материала покажем, что достаточно перенести «семантический вес» этого термина с прилагательного на глагол (что весьма приемлемо для широкого круга русских лингвистов, о которых пойдет речь), чтобы убедиться, насколько ориентированным станет взгляд обучаемых при рассмотрении причастных форм для понимания смысла предложения и его перевода.

Основная часть

Развитие русского языкознания выявило сложный комплекс проблем, связанных с причастиями. Их способность одновременно выражать действие и признак (атрибутивно-предикативный характер) стала причиной жарких дискуссий в лингвистике. Термином *причастие* в работе мы обозначаем конкретную словоформу глагола, рассматриваемую в контексте предложения. Термин *причастная форма* употребляется, когда причастие характеризуется с точки зрения его морфологического типа — действительное или страдательное, полное или краткое, настоящего или прошедшего времени; в этом смысле термины *причастие* и *причастная форма* соотносятся как конкретное словоупотребление и в тексте статьи используются как близкие по значению. Термином *причастный оборот* обозначается синтаксическая конструкция — причастие вместе с зависимыми от него словами.

Ученые спорили о формальных, синтаксических и семантических аспектах причастий, их грамматическом статусе, условиях образования, особенностях употребления, случаях перехода в другие части речи и степени их близости к глаголам или именам. М. В. Ломоносов не считал причастия самостоятельными частями речи, утверждая, что они «суть имена прилагатель-

ные, от глаголов происшедшие, следовательно, тем же с ними законам подвержены» [10, с. 417]. Это довольно осторожное замечание Ломоносова трансформируется в категоричное утверждение А. Х. Востокова в его книге «Русская грамматика»: причастие «есть имя прилагательное, от глагола произведенное, с означением времени действия или состояния, настоящего или прошедшего» [5, с. 107]. В классификации А. А. Шахматова причастие, как и инфинитив с деепричастием, отнесено к «неспрягаемой форме глагола» [14, с. 218]. Данная классификация была широко принята в то время у таких лингвистов, как А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский и других современников, которые ввели причастие в качестве самостоятельного члена в классификацию типов слов [15, с. 104]. Взгляды А. А. Шахматова были наиболее полно выражены в середине XX в. выдающимся русским лингвистом В. В. Виноградовым. Он считал: «В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений. Полный распад формы на омонимы осуществляется не часто. Однако семантическое единство формы становится колеблющимся и условным. Намечается новый тип «гибридной» лексемы, не вполне обычный в языке с преобладающим синтетическим строем» [3, с. 230].

Академическая грамматика определила причастие как «атрибутивную форму глагола», и эта трактовка в дальнейшем оставалась в фокусе внимания российских исследовательских институтов, удовлетворяя потребности ученых, в первую очередь, педагогов. В книге «Морфология современного русского языка», созданной группой исследователей из Санкт-Петербургского университета, причастия рассматриваются как неличные формы глагола, «сочетающие в себе грамматические признаки глагола и прилагательного и служащие для обозначения действия как признака подлежащего» [2, с. 525]. Ссылаясь на новую лингвистическую парадигму XXI в. и неблагоприятное описание системы классов слов в русском языке, М. В. Всеволодова отмечает: «Причастия и деепричастия, разумеется, отдельные части речи, но в нашей практике они всегда даются как отглагольные формы, поскольку они функционируют в подавляющем большинстве случаев именно так» [6, с. 69].

Опираясь на теории таких лингвистов, как И. Г. Милославский [12, с. 226], М. В. Панов [13, с. 118] и др., по утверждению А. В. Замятиной, причастие рассматривается как форма глагола, которая включает в себя «также» адъективные признаки. То есть грамматисты в последние годы определяют данную теорию в русском языкознании «господствующей» [7, с. 28]. Наконец, и, возможно, в качестве временного прекращения всех споров на пути к единому определению этой грамматической категории, в своей статье Ю. Д. Каражаев и Е. С. Качмазова о морфологическом статусе причастия авторы критикуют непоследовательность в подходах к определению этой части речи и предлагают прекратить колебания в ее классификации. Они приводят пример осетинского языка, который, по их мнению, является одним из наиболее близких к индоевропейскому праязыку, где также отсутствует однозначное определение места причастия в системе частей речи. По их мнению, неоднозначность статуса причастия объясняется его гибридной природой: оно возникает как результат взаимодействия глагола и имени, сочетая в себе их признаки [9, с. 128].

Для персоязычного учащегося грамматический статус причастия – не отвлеченный теоретический вопрос, а практическая опора: именно от того, воспринимается ли причастие как «форма глагола» или как «разновидность прилагательного», зависит стратегия его понимания и перевода. Глагольная трактовка, преобладающая в русской грамматической традиции начиная с А. А. Шахматова и получившая развитие в работах В. В. Виноградова, М. В. Всеволодовой и Т. Н. Волынец, задает направление, которого придерживается и настоящее исследование: мы рассматриваем причастие как глагольную форму, сохраняющую видовременные, залоговые и валентностные свойства глагола, и именно это понимание кладем в основу анализа персидских переводческих эквивалентов и предлагаемого терминологического решения.

Далее мы будем показывать сходные свойства между причастием и прилагательным, с одной стороны, и глаголом — с другой, а затем, используя различные соответствующие примеры и их переводы на персидский язык, в результате чего у нас получится более яркая картина относительно грамматической природы причастия. Материалом послужила пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» и ее перевод на персидский язык, выполненный непосредственно с русского М. Яхьяпур и Дж. Карими Мотахар (Тегеран, 2004). С помощью сплошной выборки из текста пьесы были выписаны все имеющиеся там причастия. В качестве основной единицы исследования рассматривается сопоставление причастной формы

в оригинальном тексте с ее переводческим эквивалентом. Если в предложении несколько причастий, каждое анализируется отдельно. Несмотря на то, что «системное описание текстовой реализации категориальных залоговых значений путем сопоставления практически отсутствует» [11, с. 186], в данной работе мы опираемся на функциональный подход.

Говоря о *прагматической* направленности данного исследования, мы имеем в виду не терминологию лингвистической прагматики, а решение конкретной практической и методической задачи: Преподавателю следует подбирать такие термины для описания грамматических категорий, которые будут максимально простыми и информативными для учащихся, родным языком которых является персидский. Тот факт, что персидский язык переводит русские причастия через глаголы, а иногда и через прилагательные и другие части речи, — это вовсе не желание переводчиков. Все дело в самой структуре персидского языка. Персидский обладает аналитическим грамматическим строем: именное словоизменение в нем практически утрачено, а грамматические значения, синтетически совмещенные в русской причастной словоформе (время, вид, залог, согласование), требуют в персидском отдельных аналитических средств. С другой стороны, персидское причастие (صفت فاعلی, صفت مفعولی) морфологически ограничено: оно не изменяется по времени и залогу, в объеме и синтаксически ведет себя как прилагательное — не сохраняет управления исходного глагола и не образует оборота с зависимыми словами. Поэтому при наличии у причастия зависимых слов персидский язык обращается к придаточному определительному с союзом که — финитной предикативной конструкции, регулярно выполняющей в персидском синтаксисе функцию развернутого определения.

А. Атрибутивные свойства причастия — адъективная репрезентация причастия

Близость причастия к прилагательному проявляется в наличии у причастия категорий рода, числа, падежа. Как и прилагательное, причастие выполняет синтаксические функции определения или, реже, именной части сказуемого. Важнейшей особенностью имени прилагательного является описание существительного и выражение его качества. Причастие, как и прилагательные, отвечает на вопросы *какой? (-ая, -ое, -ие),* а в словарях они имеют начальную форму с окончаниями прилагательных:

В описании *«он в пиджаке и в ярко* ***вычищенных*** *сапогах, которые сильно скрипят»* به شدت جیرجیر می کنند پوشیده بود او کت و چکمه های ***روشن و براقی*** که, причастие вычищенных образовано от глагола вычистить и несет в себе отчетливую глагольную семантику завершенного действия — сапоги были начищены, то есть над ними было совершено конкретное действие. Однако в персидском переводе براق چکمه های روشن و («светлые и блестящие сапоги») — это процессуальное значение полностью стерто: переводчик передал результат действия через два прилагательных качества, описывающих внешний вид предмета. Показательно, что трансформации подверглось и сопровождающее причастие наречие *ярко*: в оригинале оно характеризует способ совершения действия (сапоги вычищены как? — ярко) и тем самым дополнительно указывает на процессуальную основу причастия, а в переводе его значение передано прилагательным روشن («светлые»). Такая транспозиция (наречие → прилагательное) приводит к тому, что признак относится уже не к действию, а к его результату – внешнему виду сапог, и сдвиг в передаче наречия оказывается частью того же явления, что и утрата глагольной семантики причастия.

Аналогичная картина наблюдается в примере *«старая, покрившаяся, давно* ***заброшенная*** *часовенка»* ***مخروبه*** که از مدتها پیش متروکه استلیسای کوچک قدیمی و, где причастие покрившаяся в персидском переводе передано словом مخروبه («ветхая, разрушенная») – прилагательным, обозначающим состояние, а не процесс. Это означает, что глагольные характеристики полностью утрачены.

Интересно посмотреть также на случай адъективации: *«про то могут рассуждать только люди* ***понимающие*** *и старшие»* دربارهٔ همهٔ این موارد فقط آدمهای ***فهمیده*** و بزرگ میتوانند اظهارنظر کنند, где причастие понимающие больше не описывает процесс, а просто называет качества человека — «умные, разбирающиеся». Персидский перевод выражения آدم های فهمیده («понимающие люди», «люди со смыслом») звучит точно, потому что в нем причастие по факту работает как обычное прилагательное. Это отличный пример того, что переводить причастие прилагательным стоит только тогда, когда оно уже окончательно перестало быть глаголом: то есть в случае полной адъективации. Как показывает анализ, персидские переводчики часто заменяют причастия прилагательными. Это происходит потому,

что они воспринимают причастие как определение, опираясь на его форму, согласование и позицию определения в структуре предложения. Причина заключается в терминологии: если посмотреть на иранские учебники по РКИ, то термин صفت فعلی буквально в них переводится как «глагольное прилагательное». Поэтому студенты с самого начала привыкают видеть в этой форме именно прилагательное. В нашем материале такие примеры встречаются крайне редко. Однако именно глагольные свойства причастия здесь выходят на первый план: от них напрямую зависит верное толкование и качество перевода, о чем мы подробно рассмотрим в следующем разделе.

Б. Предикативные свойства причастия — глагольная репрезентация причастия

О значении причастия в языке можно сказать, что все дело в его «глагольном весе», который раскрывается через смысл и построение предложений. Именно эти свойства делают причастие таким выразительным инструментом: оно не только добавляет глубины нашим мыслям, но и помогает грамотно выстраивать структуру речи, что составляет главную роль причастия. Это утверждение указано в «Русской грамматике» 1980, и многие лингвисты, такие как А. А. Камынина, в основном называют причастие «полупредикативной формой глагола» [8, с. 30]. В последние годы исследования Т. Н. Волынец, посвященные трансформационным возможностям причастных форм и моделям текстовой реализации их грамматического и семантического содержания, приводят к несколько иному выводу о грамматическом статусе причастных форм: действительные и страдательные причастия, традиционно рассматриваемые как «особые формы глагола», фактически являются классом производных слов — синтаксических дериватов, возникших в результате структурных и общекатегориальных преобразований глагольных основ [4, с. 3].

К глагольным свойствам причастия относятся категории вида, времени и залога, а также способность управлять зависимыми словами и образовывать причастный оборот. Синтаксическое управление – ключевой глагольный признак причастия. Сохранение глагольного управления в причастных формах свидетельствует о том, что причастие не просто «напоминает» глагол внешне, но и структурно продолжает его синтаксическое поведение. Именно поэтому мы считаем причастие по своей природе ближе к глаголу, нежели к прилагательному: оно наследует от глагола не только семантику действия, но и его синтаксическую власть над зависимыми словами — то, чем прилагательное принципиально не обладает. Анализ переводов русской классики на персидский язык наглядно демонстрирует, что именно эти глагольные категории оказываются решающими при выборе переводческого эквивалента.

1. Действительные причастия настоящего времени

Действительные причастия настоящего времени выражают признак предмета через действие, совершаемое им в момент речи или в период, совпадающий с основным действием. Их глагольная природа проявляется прежде всего в категории времени и вида – они образуются от основ глаголов несовершенного вида и указывают на длящийся, незавершенный процесс.

В контексте *«Яша. С* ***отъезжающими****!»* یاشا: به سلامتیِ آنها که **می‌روند**. причастие *отъезжающими* морфологически выступает в качестве существительного, однако не утрачивает семантики процессуальности с указанием на динамику совершаемого действия (процесс отъезда). В переводе آنها که می‌روند («за тех, кто уезжает») эта особенность передается посредством использования глагольной формы настоящего длительного времени, что позволяет сохранить акцент на длительности описываемого состояния.

2. Действительные причастия прошедшего времени

Действительные причастия прошедшего времени нужны, чтобы показать: что-то случилось раньше, чем основное действие. Это помогает нам понять, в каком порядке шли события, и не перепутать, что было сначала, а что — потом.

В контексте *«Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит Фирс,* ***ездивший*** *встречать Любовь Андреевну»* از صحنه، فیرس که برای ملاقات با لوبوف **رفته بود**، با عجله عصا به دست رد می‌شود آندره‌یونا به ایستگاه причастие ездивший выражает временную отнесенность действия к периоду, предшествующему моменту речи. Перевод با لوبوف آندره‌یونا به ایستگاه رفته بود فیرس که برای ملاقات («Фирс, который ездил на станцию встречать Любовь Андреевну») использует форму давнопрошедшего времени, точно воспроизводя временную отнесенность действия. Глагольная природа причастия здесь не только сохранена, но и потребовала от переводчика выбора специальной временной формы персидского глагола.

В примере *«Ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, **владевшие** живыми душами»* شما اربابهایی بودند که **صاحب** پدربزرگ، جد و همهٔ نیاکان причастие *владевшие* в предложении передает синтаксическое управление (*владеть* + твор. падеж). Персидский перевод اربابهایی بودند که صاحب نفوس زنده بودند («были господами, которые владели живыми душами») разворачивает причастный оборот в придаточное определительное с глаголом, тем самым сохраняя и управление, и временную отнесенность.

Показателен пример *«Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук **лопнувшей** струны, замирающий, печальный»* از دوردست، دقیقا از می‌شود ناگهان آسمان، صدایی شبیه **پاره شدن** سیم تار، آرام و حزن‌انگیز طنین‌انداز, где причастие *лопнувшей* несет значение мгновенного завершенного действия. Тот факт, что в персидском переводе صدایی شبیه پاره شدن سیم تار («звук, похожий на обрыв струны») задействовано отглагольное существительное پاره شدن (обрывание), лишний раз доказывает, что передача процессуальной семантики причастия осуществляется переводчиком интуитивно через глагольную и отглагольную лексику.

Параллельное использование настоящего и прошедшего времени в одном контексте *«владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, **живших** раньше и теперь **живущих**»* است که همهٔ شما را خراب کرده صاحب نفوس زنده بودن، چیزی **می‌کردند** و چه کسانی که حالا **زندگی می‌کنند** است، چه آن کسانی که قبلا **زندگی**.

демонстрирует еще один пример смыслового противопоставления причастий. В персидском переводе کسانی که قبلاً زندگی می‌کردند («те, кто жил раньше») и کسانی که حالا زندگی می‌کنند («те, кто живет сейчас») эта оппозиция воспроизведена с абсолютной точностью. Переводчик вполне обоснованно задействует глагольную систему персидского языка, так как ее грамматические ресурсы идеально подходят для выражения нужных видо-временных оттенков.

3. Страдательные причастия в краткой форме

Краткие страдательные причастия уникальны среди причастных форм: выполняя функцию сказуемого, они максимально сближаются с глаголами и наиболее ярко проявляют свою предикативную роль. Именно на этом материале особенно наглядно видно все многообразие временных форм в персидском языке.

В анализируемом контексте *«На двадцать второе августа **назначены** торги»* بیست و دو آگوست **تعیین کرده اند** تاریخ حراج را краткое причастие переведено формой настоящего совершенного времени: تعیین کرده اند («дату назначили»). В примере же *«Мне **приказано** было ждать до утра»* به من **دستور داده شده بود** تا صبح صبر کنم зафиксировано использование давнопрошедшего времени: («мне было отдано приказание»). А в случае *«вы тогда **спасены**»* و در آن صورت شما **نجات پیدا خواهید کرد**. данная грамматическая единица потребовала формы будущего длительного времени: شما نجات پیدا خواهید کرد («вы спасетесь»). Наконец, фраза *«Жизнь еще **скрыта** от ваших молодых глаз»* زندگی هنوز از چشمان جوان شما **پنهان است** как финальный пример демонстрирует передачу причастия средствами простого настоящего времени: پنهان است («скрыта»).

Значение этой картины для нашего исследования весьма важно. Любопытно, что русское краткое страдательное причастие при персидском переводе неизменно замещается глагольными формами различного времени. Данный факт свидетельствует о том, что персидский синтаксис актуализирует в причастии, в первую очередь, его предикативное (глагольное) начало, передавая его посредством глагольных конструкций с вариативным временным значением, определяемым контекстом.

Следующая диаграмма (рис. 1) показывает распределение типов эквивалентов кратких страдательных причастий прош. вр.

Рис. 1.
Fig. 1.

4. Страдательные причастия прошедшего времени в полной форме

При переводе на персидский язык полные страдательные причастия прошедшего времени, подобно кратким, стремятся приобретать глагольное значение, хотя эта тенденция выражена у них несколько слабее.

В примере *«Гостиная, **отделённая** аркой от залы»* اتاق پذیرایی که با طاقی از سالن **جدا شده است.**, полное страдательное причастие *отделённая* образует причастный оборот с двумя зависимыми словами: *аркой* и *от залы*, то есть сохраняет глагольное управление. Персидский перевод разворачивает этот оборот в определительное придаточное с союзом که, в котором обе зависимые составляющие сохранены (با طاقی — *«аркой»*, از سالن — *«от залы»*), а само причастие передано аналитической пассивной формой прошедшего совершенного времени جدا شده است (*отделена*). Тем самым переводчик передаёт и действие (*отделение*), и его результат — состояние, и сохраняет рамку исходного глагола. Иначе обстоит дело в примере *«Яша держит поднос со стаканчиками, **налитыми** шампанским»*, سینی گیلاسهای کوچک شامپاین **پر از** دست یاشا در **است**, где причастие *налитыми* управляет существительным в творительном падеже (*шампанским*), что является типично глагольным свойством. Несмотря на это, в персидском переводе پر از شامپاین («поднос с маленькими бокалами, полными шампанского») данное значение выражено прилагательным پر («полный»), из-за чего глагольная семантика теряется. Это редкий для нашего материала случай, когда перевод через прилагательное оказывается более уместным, и примечательно, что именно здесь причастие максимально близко к полной адъективации. В еще одном примере *«быстро поднимает **опущенный** плед»* پایین کشیده شده را بالا می‌کشد причастие *опущенный* переведено описательной конструкцией: پایین کشیده شده («плед, который был опущен вниз»). Здесь переводчик сознательно выбрал развернутый вариант, чтобы удержать процессуальный оттенок. Такой подход доказывает, что в персидском языке в целом есть инструменты для передачи глагольного значения причастий, однако они не сведены к какому-то одному стандартизированному грамматическому шаблону.

Ниже (рис. 2) показана модель перевода полных страдательных причастий прош. вр.

Итоговое наблюдение

Анализ переводов всех видов причастий позволяет сделать принципиальный вывод: при передаче причастий на персидский язык переводчики закономерно и последовательно обращаются к глагольным формам. Временная парадигма персидских эквивалентов оказывается чрезвычайно богатой: настоящее длительное, прошедшее простое, прошедшее длительное, давнопрошедшее, настоящее совершенное, будущее длительное — каждая из этих форм выбирается переводчиком в зависимости от того, какую именно глагольную семантику несет то или иное причастие в контексте оригинала. Это убедительно свидетельствует о том, что при восприятии и переводе причастия его глагольная природа является семантически доминирующей, даже когда его внешняя форма тяготеет к прилагательному. Именно это наблюдение составляет основу нашего предложения относительно более точного персидского эквивалента термина «причастие», которое будет сформулировано в заключении.

Ниже приведена сводная диаграмма всех эквивалентов причастий, найденных в нашем языковом материале (рис. 3).

Модель перевода полной формы страдательных причастий

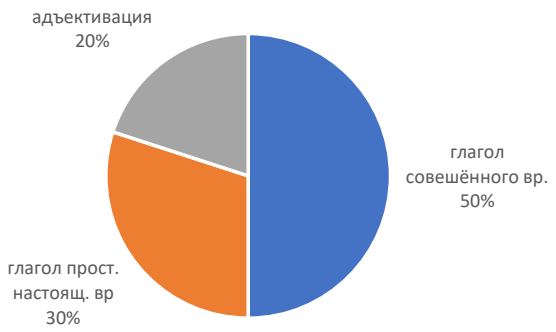

Рис. 2.
Fig. 2.

Модель перевода всех видов причастий

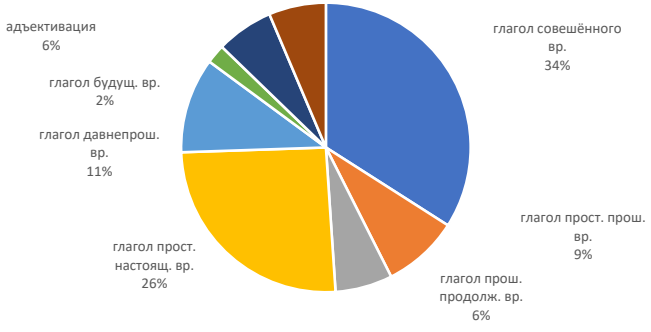

Рис. 3.
Fig. 3.

Заключение

Проведенный анализ причастных форм русского языка и их переводов на персидский язык на материале пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» убедительно демонстрирует, что на прагматическом уровне — то есть в реальной переводческой практике — глагольная природа причастия является семантически доминирующей. Предложенный подход объясняется не столько лингвистической теорией, сколько методической необходимостью: так студентам, говорящим на персидском языке, проще объяснить грамматическую суть причастия. Переводить причастие прилагательным имеет смысл только тогда, когда оно полностью утратило глагольные признаки. В остальных ситуациях, как показывает анализ нашего языкового материала, переводчики закономерно выбирают персидские глаголы, передавая время, вид и залог исходного текста. Это наглядно доказывает, что именно глагольная основа причастия служит ключом к его правильному пониманию и точному переводу.

Исходя из этого, привычный для иранских пособий по русскому языку термин صفت فعلی задает учащимся не совсем верное представление, изначально подчеркивая адъективные свойства причастия. Мы предлагаем заменить его более точным термином فعل صفتنما — «прилагателевидный глагол». Он лучше отражает суть причастия: опираясь на общепринятый в русистике взгляд на него как на глагольную форму, новый термин в то же время педагогически прозрачен. Его структура интуитивно показывает студенту, что причастие лишь выполняет роль прилагательного, сохраняя глагольную природу. Именно такой подход поможет улучшить понимание причастных оборотов и повысить качество перевода на персидский язык. Разумеется, термин صفت فعلی глубоко укоренился в иранской русистике, и его немедленная замена нецелесообразна. Мы предлагаем использовать فعل صفتنما параллельно — прежде всего на продвинутых уровнях обучения и в теоретических курсах грамматики. Данное предложение адресовано иранским преподавателям русского языка и литературы, а также авторам учебно-методических материалов, заинтересованным в повышении терминологической точности в преподавании РКИ в персоязычной среде.

Список источников

1. Бахрами Ф., Валипур М. Past Participle in Persian: Containing Tense or Aspect? // Journal of Researches in Linguistics. 2021. Vol. 13, No. 2. P. 51–76.

2. Богданов С., Воейкова М., Евтюхин В., Князев Ю., [и др.]. Современный русский язык. Морфология. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

3. Виноградов В. В. Русский язык. Введение в грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972.

4. Волынец Т. Н. Грамматический феномен причастия. Минск : Изд-во БГУ, 1998. 138 с.

5. Востоков А. Х. Сокращенная русская грамматика. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1861.

6. Всеволодова М. В. Русская грамматика XXI века — грамматика языка функционирующего (наше представление о языке: задачи и перспективы) // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгр. Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит. (Варна, 17–23 сент. 2007 г.). Sofia, 2007. Т. 1.

7. Замятина И. В. Грамматика русского причастия: дис. ... канд. филол. наук. М. : Московский государственный областной университет, 2010.

8. Камынина А. А. Связь полупредикативной функции и глагольности причастий (на материале действительных причастий) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1981. № 6. С. 28–33.

9. 9. Каражаев Ю., Качмазова Е. Двуприродность причастий и проблема их морфологического статуса // История и философия культуры. Актуальные проблемы : сб. науч. тр. / под ред. С. В. Архипова. Владикавказ, 2005.

10. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952.

11. Мехраби К. О соотношении предикативных и полных причастных форм русских глаголов и способа их передачи на персидский язык // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2023. Т. 11, № 2. С. 183–202.

12. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М. : URSS, 2011.

13. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука, 1999.

14. Шахматов А. А. Из трудов по современному русскому языку: Учение о частях речи. М. : Учпедгиз, 1952. 273 с.

15. Шведова Н. Ю. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М. : Наука, 1966. 206 с.

16. Яхьяпур М., Карими Мотахар Дж. Перевод пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Тегеран : Изд-во Элм-о-адаб, 2004. 141 с.

References

1. Bahrami F, Valipour M. Past Participle in Persian: Containing Tense or Aspect? *Journal of Researches in Linguistics.* 2021;13(2):51-76.

2. Bogdanov S, Voeikova M, Evtyukhin V, Knyazev YuP, et al. Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya = Modern Russian. Morphology. 2007. (In Russ.).

3. Vinogradov VV. Russkii yazyk. Vvedenie v grammaticheskoe uchenie o slove = The Russian Language. Introduction to the Grammatical Study of the Word, 1972. (In Russ.).

4. Volynets TN. Grammaticheskii fenomen prichastiya = The Grammatical Phenomenon of the Participle. Minsk: Izd-vo BGU, 1998. 138 p. (In Russ.).

5. Vostokov AKh. Sokrashchennaya russkaya grammatika = Abridged Russian Grammar. Publishing House of the Emp. Acad. of Sciences, 1861. (In Russ.).

6. Vsevolodova MV. Russkaya grammatika XXI veka — grammatika yazyka funktsioniruyushchego (nashe predstavlenie o yazyke: zadachi i perspektivy) = Russian Grammar of the 21st Century — Grammar of the Functioning Language. In: Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire = The World of the Russian Word and the Russian Word in the World: Proceedings of the XI Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (Varna, 17–23 September 2007). Sofia, 2007. Vol. 1. (In Russ.).

7. Zamyatina IV. Grammatika russkogo prichastiya = Grammar of the Russian Participle: dis. Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2010. (In Russ.).

8. Kamynina AA. Svyaz' polupredikativnoi funktsii i glagol'nosti prichastii (na materiale deistvitel'nykh prichastii) = The Connection between the Semi-Predicative Function and the Verbal Character of Participles. *Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology.* 1981;(6):28-33. (In Russ.).

9. Karazhaev Yu, Kachmazova E. Dvuprirodnost' prichastii i problema ikh morfologicheskogo statusa = The Dual Nature of Participles and the Problem of Their Morphological Status. In: Istoriya i filosofiya kul'tury. Aktual'nye problemy = History and Philosophy of Culture. Current Problems: Collection of Research Papers / ed. by SV Arkhipov. Vladikavkaz, 2005. (In Russ.).

10. Lomonosov MV. Polnoe sobranie sochinenii. Trudy po filologii 1739–1758 gg. = Complete Works. Works on Philology, 1739–1758, 1952. (In Russ.).

11. Mehrabi Q. O sootnoshenii predikativnykh i polnykh prichastnykh form russkikh glagolov i sposoba ikh peredachi na persidskii yazyk = On the Correlation of Predicative and Full Participle Forms of Russian Verbs and the Way They Are Rendered into Persian. *Issledovatel'skii Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury = Research Journal of Russian Language and Literature.* 2023;11(2):183-202. (In Russ.).

12. Miloslavskii IG. Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka = Morphological Categories of Modern Russian. URSS, 2011. (In Russ.).

13. Panov MV. Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka = Positional Morphology of the Russian Language. Nauka, 1999. (In Russ.).

14. Shakhmatov AA. Iz trudov po sovremennomu russkomu yazyku: Uchenie o chastyakh rechi = From Works on Modern Russian: The Doctrine of Parts of Speech. M.: Uchpedgiz, 1952. 273 p. (In Russ.).

15. Shvedova NYu. Osnovy postroeniya opisatel'noi grammatiki sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka = Foundations of Constructing a Descriptive Grammar of the Modern Russian Literary Language. M.: Nauka, 1966. 206 p. (In Russ.).

16. Yakhyapur M, Karimi Motahar J. Perevod p'esy AP Chekhova "Vishnevyi sad" = Translation of AP Chekhov's Play The Cherry Orchard. Tegeran: izd. Elm-o-adab; 2004. 141 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К. Мехраби — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка факультет литературы.

Information about the author

Q. Mehrabi — Cand. Sci. (Philology), Assistant professor at the Department of Russian Language, Faculty of Literature.

Статья поступила в редакцию 20.08.2026; одобрена после рецензирования 23.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 20.08.2026; approved after reviewing 23.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.